Дмитрий ВЫРСКИЙ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: СЛУЧАЙ УКРАИНЫ*

Найшли, Несли, несли з чужого поля І в Україну принесли... Тарас Шевченко

Мы должны любить наследство наших отцов, но какое? Томаш Масарик

Господствующие тенденции в восприятии Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) в Украине можно представить перечнем следующих концептов. Прежде всего, это рассмотрение его роли как безусловно европейской (хоть и погранично-"украинной") державы, наследника Киевской Руси, где произошел синтез западнои восточнохристианских традиций, победителя Золотой Орды

529

^{*} В основу данной статьи положен доклад, сделанный автором на международном круглом столе "История изучения Великого княжества Литовского в 1991-2003 гг.", который проходил 16-18 мая 2003 г. в Гродно (Беларусь).

и борца за выход к Черному морю. Бытует представление об обществе ВКЛ как социуме с высокой социальной мобильностью на его "нижних" этажах и с достаточно стабильной олигархической "крышей" (реалия, до боли знакомая исследователю постсоветского пространства). ВКЛ видится как проект регионального "универсального государства" (по терминологии А. Тойнби), альтернативного польской "шляхетской демократии" и российскому "самодержавию" (определить последнюю можно как квазиклассическую, в смысле безусловной запоздалости, "феодальную империю"). 1

Изучение ВКЛ в украинской историографии имеет свои специфические особенности. Основное внимание исследователи уделяют тому, что относится непосредственно к Украине в ее нынешних территориально-географических рамках и определяется через понятие "культурно-историческое наследие". Из-за удаленности Украины от Литвы вопрос о происхождении ВКЛ вызывает, скорее, вялый академический интерес. Так, например, не вызывает особенного энтузиазма популярная в Беларуси нововаряжская теория "прикликанья Миндовга" на фоне отчаянной борьбы Галицко-Волынского княжества с литовской агрессией.

Наследие "Литвы языческой", столь милое сердцу рядового литовца, вообще не видится украинцам как нечто значительное и самоценное, а рассматривается лишь в связи с мессианской ролью

¹ Basic book, или наиболее популярными современными историографическими текстами в Украине по данной проблематике считаем, в частности, следующие работы: І. Лисяк-Рудницький. Проблеми термінології і періодизаціїв українській історії. Феодалізм // І. Лисяк-Рудницький. Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 41-46, 47-52; Ф. М. Шабульдо. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Київ, 1987; Я. Дашкевич. Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV-XVIII ст.) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. 1991. Т. CCXXII. С. 28-44; Н. М. Яковенко. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993; В. І. Ульяновський. Історія церкви та релігійної думки в Україні. Середина XV – кінець XVI ст. Кн.1-2. Київ, 1994; Н. М. Яковенко. Нарис історії України. З найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 1997; О. В. Русіна. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; О. В. Русіна. Україна під татарами і Литвою. (Серія: Україна крізь віки. Т. 6). Київ, 1998; Д. Наливайко. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. Київ, 1998; Н. М. Яковенко. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVIII ст. Київ, 2002.

восточного христианства. Сюжет "выбора веры" литовцами связывается с нереализованной альтернативой превращения Вильнюса в "новый Киев". Католизация Литвы вызывает обвинения в "измене" перспективе совместной литовско-руской² "евроинтеграции" или даже некой "восточноевропейской" цивилизационной альтернативе Западу. Здесь мы наблюдаем искренний "киеворуский империализм" в чистом виде.

Довольно натужно украинец восхищается действительно "народной" для литовцев и белорусов эпопеей противостояния немецким крестоносным орденам. Вообще, кажется, что войны в Прибалтике, в которых участвовали воины, набранные на землях современной Украины, имеют здесь стойкую негативную репутацию. Мало какой украинский исследователь откажется при их рассмотрении пороптать на местный климат и несоответствие балтийских реалий лучшим воинским качествам украинского народа.

Перманентная конфронтация ВКЛ с Великим княжеством Московским, восприятие его как "наследственного врага", также имеет в Украине немного апологетов, если не считать откровенных вульгаризаторов, усматривающих здесь отражение векового украинско-российского противостояния. Поэтому участие "своих" предков в литовско-московских войнах украинцы часто трактуют как проявление молодечества, по-настоящему интересного разве что исследователям местных воинских традиций. Даже герой этих войн – князь Константин Иванович Острожский – уважаем в Украине за другие дела, не связанные с "московскими". Образно говоря, "Вишневец 1512" (победа над татарами) по значению превосходит "Оршу 1514" (победу над русскими).

Общественная мысль Украины спокойно относится к фактам служения обеим сторонам, широко представленным в межгосударственных отношениях Литвы-Речи Посполитой и Москвы-России со времен Олельковичей до поздней поры Запорожья. Попытки достижения согласия между противоборствующими сторонами —

² Не путать с литовско-русской.

³ Под киеворусским империализмом понимаем популярное восприятие Киева (часто = Украина) как "вечной" метрополии-мессии (что-то вроде "Москва — третий Рим") для государств и народов Восточной Европы или, рельефней, хотя бы территории заштрихованной в учебниках как Киевская Русь (приставка "кабинетного" происхождения — Киевская — тут акцентирована и мифологизирована).

Москвой и Литвой — получают в Украине одобрительную оценку. Более того, украинцы склонны видеть корни литовских "бед" в самоустранении властей ВКЛ от борьбы за древнерусское наследие и неспособности интегрировать "руское" население государства в "великолитовский" социум.

В противоположность этому, когда речь заходит о "южном фронте" ВКЛ, украинское сердце начинает биться чаще. Активное вмешательство великого княжества в борьбу за золотоордынское наследство во времена Витовта имеет в Украине многочисленных апологетов. Также подчеркивается верховенство великого князя над Крымом времен утверждения династии Гиреев. Этот факт используется для подчеркивания исторической взаимовыгодности украинско-крымского партнерства. Кроме того, с витовтовыми временами связывают и расцвет черноморской торговли. Факты строительства собственных портов (Хаджибей – предтеча Одессы и т.д.), подъем поднепровских городов с Киевом во главе, использование западных специалистов (итальянских купцов-колонистов) для теснейших контактов с Европой и организации хлебного экспорта по Черному морю воспринимаются как предвестники собственно украинского будущего. Недавно в украинской историографии утвердилась мысль о литовско-татарском кондоминиуме (двойном сюзеренитете) над землями Украины, который сложился после 1362 г., был подтвержден в 1395 г. и напоминал о себе в выплатах так называемых "упоминков" крымскому хану ("за владение рускими землями") на протяжении XVI-XVII вв.

Гражданскую войну 1432-1440 гг. в ВКЛ современные ученые склонны рассматривать в контексте возрождения "украинских" амбиций, которые опирались на успешное хозяйственное развитие края, а поражение Свидригайла на Швянте под Вилькомиром в 1435 г., – как крах вышеупомянутого "киеворуского империализма" и украинского светского мессианства. В дальнейшем светские украинцы претендуют в общем-то лишь на господство "в своей сторонце". Поэтому ликвидация великокняжеской властью Киевского княжества Олельковичей в 1471 г. расценивается современной отечественной историографией как удар в спину. Заговоры украинских аристократов, вплоть до восстания М. Глинского включительно, и потеря влияния в Крыму и на Черном море

532

⁴ Образ из текста современного гимна Украины.

воспринимаются как правомерная расплата за политическую близорукость.

Невнимание великокняжеской власти к "далеким землям", 5 по господствующим на данный момент представлениям, заставило украинцев по-новому оценить перспективы украинско-польского партнерства. Поэтому, если при изучении польско-литовских трений в XIV-XV вв. и попыток навязывания Литве проектов унии в интересах Польской Короны украинская историография традиционно стояла горой за литвинов, оценки проектов политической унии XVI в. кардинально меняются. Во взглядах на Люблинскую унию 1569 г. на данный момент доминирует позитивный настрой. Подчеркивается, в частности, аспект объединения почти всех этнических украинских земель в едином государственном образовании. Поэтому неоднозначное поведение украинских аристократов на сейме в Люблине, в котором ранее часто усматривали "предательство" интересов Великого княжества, рассматривается как начальный этап процесса осознания украинцами себя отдельной нацией.

Среди исследователей, обозревающих послелюблинские времена, ностальгия по ВКЛ вовсе не распространена. ВКЛ в их работах выступает чаще всего как объект экспансии — реализованной или планировавшейся. Припоминают при случае и Мозырщину, и даже украинскую Берестейщину, "недорезанную" к Киевскому воеводству после Люблинской унии, откровенно радуются попыткам Б. Хмельницкого превратить Южную Беларусь в некое подобие "кромвелевской Ирландии" для своих ветеранов. Вообще, историки скрупулезно интересуются борьбой между разными политическими силами за "души" белорусов — другой (кроме украинцев) части когда-то слабо дифференцированных "русинов".

Общие с "литвинами" акции для этого периода мыслятся уже только как паритетные (например, переговоры Б. Хмельницкого о союзе с Радзивиллами). При этом "литовское наследство" воспринимается исключительно позитивно: здесь можно упомянуть желание Хмельницкого получить для казаков статус "татар литовских", проекты "Великого княжества Руского" и т.д. Вместе с тем, осуждается роль литвинов в срыве Гадячской унии 1659 г.

ВКЛ XVIII в. практически полностью исчезает с горизонтов исторической памяти, которая питает национальные чувства

⁵ Традиционный в литовских источниках ярлык для украинских земель.

украинцев. Обычно Литва и Беларусь упоминаются тут лишь в контексте других, кроме Украины, "жертв" имперских амбиций России. Впрочем, возрастает интерес к магнатским кланам (в т.ч. "великолитовского" происхождения), под чьим патронатом происходило социально-экономическое возрождение "рукотворной пустыни" Правобережной Украины в XVIII в. Исследователи обращаются и к быстро набирающей популярность проблематике культуры олигархических "дворов" аристократии последних времен ВКЛ.

Кроме этого, украинцы благодарны литвинам за Филиппа Орлика – гетмана в изгнании и основоположника украинской политической эмиграции. Следует припомнить и роль "литовского наследия" в "дворянских" родословных украинских старшинских семей Гетманщины. Ведь в конце XVIII в. – первой трети XIX в. указание украинцем на связь своего рода, например, с экс-"великолитовской" Беларусью было значительным козырем в спорах с российской Герольдией (утверждавшей, что в Украине "нет благородных").

Политические структуры ВКЛ воспринимаются украинской историографией как типологически близкие другому государственному проекту "псевдоримлян" – Священной Римской империи, впоследствии Австро-Венгрии. "Австрийский опыт" в Украине обсуждается довольно активно, хоть и без особенного пиетета (за исключением разве Галичины и Буковины). Ведущими темами тут выступают политика относительно национальных меньшинств в условиях немногочисленности титульной нации, социальный консерватизм как политическая стратегия, функционирование олигархических элит и роль харизмы монарха в обществе. Общим местом украинской историографии стало подчеркивание "человечности" политических структур как ВКЛ, так и Австро-Венгрии по сравнению с Великим княжеством/царством Московским и Российской империей.

Наиболее любопытным и, безусловно, злободневным, на мой взгляд, является обсуждение "олигархической" проблематики в Украине, которая тесно связывается с "опытом ВКЛ". Следует отметить, что интерес к исследованиям патронально-клиентарных связей, социальных ритуалов, индивидуальных и групповых карьерных стратегий вызывает в современном украинском обществе не только академический интерес.

То же самое можно сказать и о растущем внимании к традициям индивидуальной благотворительности и меценатства, вялое возрождение которых в Украине воспринимается с повышенным энтузиазмом. Тут особенно следует отметить "культы" князя Федора Кориатовича, основателя Мукачевского монастыря, и Галшки Гулевичевны, которая стояла у истоков Киево-Могилянской академии.

Общепризнанным является вклад ВКЛ в генезис украинского казачества — важнейшего мотива национальной исторической памяти Украины. Возрожденная в современной украинской историографии "боярская теория", 6 которая утверждает происхождение казаков из нижних слоев феодального класса великокняжеской Литвы, лишь подчеркнула "литовское наследство" этой "нациетворящей" социальной группы.

Большое значение "опыту ВКЛ" отводится в Украине и в связи с проблематикой правового государства. Авторитет Литовских статутов как "законов, достойных свободного народа" выступает совершенно неопровержимым, а иногда — и это особенно бросается в глаза в учебниках для украинских юристов — подается апологетически.

Значительно меньший энтузиазм по сравнению с военно-политическим и правовым аспектами "великолитовского опыта" вызывают в Украине достижения ВКЛ в экономической и культурной сферах. Впрочем, исследователи постепенно обращаются к опыту "интеграции" в мировую экономическую систему, к роли иностранного капитала в хозяйственном развитии, а также реализации транзитного потенциала территории страны. В центре внимания специалистов по истории культуры традиционно остаются городские братства, религиозные движения (в частности, следует отметить интерес к протестантизму на землях ВКЛ) и церковные институции. Причем популярно подчеркивание связей культурных процессов с проявлениями элементов гражданского общества.

⁶ Теория обоснована в работах Сергея Лепявко (см., в частности: С. Леп'явко. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996).

⁷ Таким образом казацкая старшина в 1763 г. охарактеризовала литовские законы перед российским правительством.

⁸ Следует особо отметить недавнюю монографию Бориса Гудзяка: Б. Гудзяк. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.

Интересными особенностями отличаются в Украине персональные "культы" деятелей ВКЛ. Так, "героями" украинцев довольно редко становятся Гедиминовичи, которые реально владели великокняжеским титулом. Наверное, кроме Ольгерда — победителя татар при Синих Водах в 1362 г. и Витовта — "черноморского мечтателя", ни один из великих князей литовских не пользуется популярностью. Вместе с тем, официальные "отступники", "бунтовщики" и "заговорщики" — подольские Кориатовичи, "мятежный" Свидригайло, "гуситский король" Сигизмунд Корибутович, киевские Олельковичи и северянские Бельские вызывают полнейшее сочувствие. Риторика "непонимания правительством" и "оскорбления в лучших чувствах" является традиционной в подаче образов наиболее чтимых "своих" феодалов — Михаила Глинского, Дмитрия Вишневецкого и двоих любимейших из Острожских — Константина Ивановича и Василия-Константина.

В заключение надо сказать и об особенностях рецепции "литовского наследия" в разных украинских регионах. Понятно, что наиболее популярна литовская тематика на Волыни и в Полесье, которые во времена ВКЛ принадлежали к относительно "цивилизованным" районам государства. Причем историей этих регионов активно занимаются и представители столичного научного истеблишмента. При значительной поддержке Киева на Волыни, в частности, развернулся амбициозный проект воссоздания Острожской академии, до последнего времени напрямую связанный с возрожденной Киево-Могилянской академией. Региональная проблематика является одной из главных для Общества исследователей Центрально-Восточной Европы, которое возглавляет известная украинская исследовательница Наталья Яковенко. Другими "академическими" центрами украинской литуанистики являются отдел средних веков Института истории Украины НАН Украины, где литуанистическое направление возглавляет Елена Русина,

⁹ Наиболее показательным является широко известное издание истории Украины в лицах (Литовско-польская эпоха) [Історія України в особах: Литовська польська доба. Київ, 1997], в котором в рубрике "'Українні' можновладці" поданы биографические очерки лишь о Владимире Ольгердовиче Киевском, его потомке Олельке и Олельковичах вообще, о Шемячичах и Можайских, Михаиле Глинском, Константине Острожском и Дмитрии Вишневецком.

и Киевский университет им. Т. Шевченко, где плодотворно работает просеминарий Василия Ульяновского.

Достойно особого упоминания и конференционное движение на землях исторической Киевщины и Волыни. Причем оно все больше охватывает не только областные, но и провинциальные центры. Как пример можно привести "Сангушковские чтения" в г. Славуте.

Другим регионом, где к "литовскому наследию" относятся со значительным пиететом, остается Подолье. Причем, по понятным причинам, оно является центром почитания князей Кориатовичей. В частности, одна из центральных улиц Камянца-Подольского названа в их честь. Этот культ имеет свое ответвление в Закарпатье, причем следует указать, что на нем в значительной мере держится чувство украинской идентичности этого региона, долгое время "отрезанного" от "Большой Украины".

В Поднепровье "литовские воспоминания" актуализируются при определении времени основания того или иного из городских поселений, напрямую связанных с популярностью юбилеев. Примером тут может послужить моя малая родина – г. Кременчуг на Полтавщине. Поиски местонахождения замка Витовта, исторические данные о существовании которого отнюдь не бесспорны, будоражат местную общественную мысль. На Полтавщине также любят вспоминать битву на Ворскле 1399 г., однако ни одно реальное исследование, по крайней мере, на месте битвы (до сего дня не установленном), еще не проведено. Культ Витовта достиг даже Николаевщины, о чем свидетельствует, в частности, работа местной исследовательницы С. Г. Ковалевой, которая рассмотрела здешнюю топонимию, напоминающую о литовских временах (Витовтова балка, Витовтовка, Витовтова баня). 10

Историческая Северщина с Черниговом, известным своим статусом "украинской Равенны" (тут, кажется, сохранилось больше всего древнерусских памятников), до последнего времени вяло интересовались своим "литовским наследством". Инициатива его изучения исходила большей частью из Киева, где над этой пробле-

¹⁰ С. Г. Ковальова. Південноукраїнські землі і основні напрямки еволюції суспільно-політичного життя і державності Великого князівства Литовського в І третині XV століття // Історія Півдня України від найдавніших часів до сучасності. Зб. н. пр. у ІІІ ч. Ч. ІІ. Миколаїв; Одеса, 1999. С. 5-10.

матикой плодотворно работает вышеупомянутая Е. Русина. Впрочем, усилиями Сергея Лепявко и связанного с ним журнала "Сіверянський літопис" пробуждается, в частности, интерес к тематике войн за Северщину между Вильно и Москвою на протяжении XVI в.

Таким образом, эвристический потенциал ВКЛ как "исторического опыта" Украины является чрезвычайно высоким. ВКЛ включено как в глобальный и региональный, так и в общенациональный уровни мировосприятия современного украинца. Причем этот опыт противопоставляется популярным пасторальным образам "хуторянской Украины", этнографической и автаркийной, невосприимчивой к любым модернизационным процессам. Разнообразие сфер применения "великолитовского наследия", его непосредственная связь с культурными традициями позволяет с оптимизмом оценивать перспективы развития литуанистики в Украине.

SUMMARY

The article is devoted to the problems of perception of historical experience of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) at the level of Ukrainian national consciousnesses. The author focuses on the analysis of Ukrainian "visions" of the key questions of "Grandlithuanian" history, while the most attention is paid to their features (as such weak interest to the problem of the beginnings of GDL, the ambivalent relation to the Lithuanian-Moscow opposition, exaggerated interest to "the Black Sea policy" of GDL, etc.). At the same time, specificity of personal "cults" of public figures of GDL taking place in Ukraine is considered. Regional features of perception of "Grandlithuanian" inheritance are analyzed and prospects of deployment Lithuanian's studies in the Ukrainian regions are considered. The conclusion about significant potential of historical experience of GDL for the construction of the intellectual concept of modern Ukraine is made.